

СТАТУС

САЛАМАТ САРСЕКЕНОВ

Саламат Сарсеменов

Статус

«Издательские решения»

Сарсеменов С.

Статус / С. Сарсеменов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900273-0

Книга рассказывает о Духовном распознавании своей истинной природной сути. О природе страдания и истинной сути Любви к себе и к Жизни.

ISBN 978-5-44-900273-0

© Сарсеменов С.
© Издательские решения

Содержание

Понедельник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Статус

Саламат Сарсеменов

© Саламат Сарсеменов, 2017

ISBN 978-5-4490-0273-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Понедельник

В семь часов утра будильник с истерическим звоном бесцеремонно ворвался в мой сон, разгоняя какие-то странные видения. Не открывая глаз, я еще пыталась какое-то время цепляться мыслями за растворяющиеся образы, которые несли с собой необъяснимое успокоение, но трезвонивший будильник вскоре превратил сновидения в серую бесформенную массу.

Опять не запомнила, что мне снилось. Надо поменять мелодию в чертовом механизме. Вставать и скидывать с себя теплое одеяло абсолютно не хотелось. Вчера до двух ночи смотрела какой-то фильм, чтобы избавиться от своих бесконечных мыслей, и как всегда не выспалась. Сюжет фильма с примесью просочившихся мыслей о нем, уже не помнился, как и залетевший в дремлющее сознание сон.

Усилием воли я сбросила с себя одеяло и, ежась от холода, прошмыгнула в ванную. Вид незнакомого и унылого существа в отражении зеркала не внушал доверия. Следовало бы помыть побыстрее это жалкое творение, почистить зубы, зачесать на затылке постельный ирокез и спрятать под макияж то, что пока только я одна начала замечать.

Прохладная вода из душа пробуждающе брызнула сверху и стала стекаться по телу. Неожиданно вновь подступило гнетущее ощущение тоски, которое еще перед сном я запила фужером полусладкого вина.

Быстро позавтракав бутербродом с маслом и засахарившимся джемом, я оделась и выскочила на улицу.

Машина на морозе как всегда не заводилась с первого раза. Впрочем, она не завелась и со второго. «Надо было костер под картером развести!» – вспомнила я чей-то совет, беспокоясь за способности трехлетнего аккумулятора. После пятой попытки двигатель обиженно фыркнул и, немного поворчав, в конце концов завелся. Но радость от этого была недолгой, поскольку через две минуты езды моя машина уже стояла, плотно зажата в утренней пробке.

На работу я опоздала на пятнадцать минут и, надеясь незаметно прокрасться к своему рабочему месту, наткнулась на вечно лоснящееся от пота, пухлое лицо директора фирмы, который искал меня в попытках сделать замечание по поводу вновь запрашиваемого отгула.

Разговор состоялся серьезный и нудный. Было сделано последнее предупреждение, а о премии в этом месяце можно было безропотно забыть.

Добравшись после выговора до своего рабочего места, и по дороге затылком ощущая злорадство сослуживцев, я плюхнулась в кресло и лениво посмотрела на список дел на своем рабочем столе. Мало того, что приходилось терпеть эту нудную непонятную работу без целей и каких-либо серьезных задач, мало того, что шеф откровенный кретин, он еще умудрялся каждый месяц лишать меня премии! К черту! Надоело все! Давно пора искать другую работу или попросить на время отпуск без содержания. Впрочем, о чем это я? Без премии и без содержания можно было отдохнуть от морозов разве что на городской теплотрассе, где-нибудь под общественными дорогами.

Невеселые мысли колючими волнами накатывались на меня, не давая возможности сосредоточиться на работе.

– Привет, кудряшка! – Послышался позади меня голос моей подруги, с которой мы учились на одном курсе и вместе устроились на эту работу.

– Как дела? Как самочувствие после веселой субботы? – дополнила она вопрос и обняла меня за плечи.

– Лучше не спрашивай. Все воскресенье отходила от текилы. Соль на губах до сих пор не отсохла. Лучше бы в кино сходили, – сказала я, и тут же вспомнила, что это было именно мое предложение пойти в ночной клуб. – Как сама?

– Да так себе. Тоже провалялась. Что-то мы с тобой в этот раз прилично погуляли, без тормозов. Ты не помнишь, как зовут того с усиками, что нас угощал у бара?

«Того с усиками» я конечно не помнила, как и всю прошедшую субботу с ее опьяняющим обещанием каких-то новых и неведомых перспектив. – Нет, не помню, – сказала я и неуверенно и осторожно добавила. – Как я до дома добралась?

– Ну, ты даешь подруга! Мы ведь тебя до подъезда довели. Как шеф наш? Кажется, злой. Что он наговорил тебе?

– Да так, бесится по-своему. Сам по два часа может где-то прогуливать, а с нас требует не опаздывать. Да пошел он! – Прошептала я себе под нос и стала раскладывать документы на столе, давая понять, что разговор закончен, и мне пора работать.

– Не переживай. Все будет хорошо! – Успокоила подруга и побрела к своему рабочему месту.

– Чем вечером занимаешься? – Спросила я вдогонку.

– Я со своим сегодня, – ответила она и скрылась за кабинетными перегородками соседнего помещения.

В столовой во время обеда люди, словно в коровнике, помычав сперва о чем-то на раздаче, припадали головами к своим тарелкам и, причмокивая, начинали делиться друг с другом впечатлениями от проведенных недавно выходных дней. Изю дня в день одно и то же меню. Что они там придумать больше ничего не могут или рефлекс у нас как у собак вырабатывают, чтобы слюна хорошо выделялась? А в прочем – думала ли я сама о еде, когда пережевывала пищу?!

После обеда время словно остановилось. Сильно хотелось спать и еще сильнее от того, что негде было прилечь. Чтобы не удариться лбом о клавиатуру пришлось несколько раз пить кофе, от чего опять получила замечание от старшего менеджера. Уже давно создавалось впечатление, что основным его занятием было контролировать послеобеденное время своих сотрудников.

Я попыталась развеять дремоту планами о том, чем можно заняться в понедельник вечером. Мысли о нем, с кем недавно и неприятно пришлось расстаться, становились все более назойливыми. «Кто первый начал» и «Кто виноват?» – эти вопросы давно уже стали привычными и угнетающими, поскольку если разбираться по совести, то без боли в сердце ни у кого не получалось на них ответить. Вместо этого становилось грустно и печально в голове от мыслей, которые самостоятельно разбрелись в поисках его, цепляясь за различные эпизоды, состоявшие из кусочков прошедшего недавно лета. Зачем я вообще начала думать об этом?

Конец рабочего дня начинался для всех раньше на полчаса. Время, когда можно было за счет фирмы покопаться в своей личной почте и отправить кому-то несколько необязательных смайликов, авансом за хорошее расположение. До сих пор было непонятно, чем можно было бы заняться вечером. До спасительной и вечно бурлящей событиями пятницы было далеко. Никто не звонил и не скидывал на сотку приглашения на день рождения, никто не приглашал на чашечку кофе. НИКТО, с кем бы я хотела быть рядом. Придется опять случайными эсэмэсками напоминать о себе. Может повезет, и кто-нибудь в ответ спросит: «чем занимаешься, подруга?» Так куда же все-таки направиться? Ладно, в пробке что-нибудь да придумаю.

В уличной вечерней лихорадке хорошие идеи о том куда сходить и где поужинать, чтобы не напиться, так и не приходили. Мысли о нем не позволяли нормально расслабиться. Подлетающие к городу сумерки добавляли к тоске свои невеселые краски.

Нет, так дело не пойдет. Слишком тоскливо. Скоро придется переходить на более сильные антидепрессанты. Давно пора с кем-нибудь познакомиться или ехать прямо к нему, засунув свою гордыню куда подальше. Это получится, это я могу. Поцелую его глаза, чтобы он не видел моего отчаяния. Прижмусь к нему и расту, расту. А что дальше? Нет, слишком грустно сейчас, чтобы задумываться над этим вопросом. Позвонить прямо сейчас, пока эти мысли не переросли в ноющую боль?!

Но я не позвонила ему даже после того, как выкарабкалась из дорожных пробок. Просто было больно, невыносимо больно от понимания безысходности, одних и тех же попыток что-то создать, возвращающих только боль и злость, за свою слабость покончить с этим кошмаром.

Ладно, остановлюсь возле ближайшего кафетерия. Там обязательно кого-нибудь встречу. К одиноким девушкам мужики быстрее клеятся. Все-таки клин клином надо вышибать. Пусть на время и неважно с кем, лишь бы рассеять память о нем. Возможно, это безумие поможет. Хватит болеть от разлуки. Пройдет время, и потом сам прибежит глаза мне целовать. А я подумаю... А что дальше?

Когда я начала выбирать подходящую кафешку, то поняла, что все приличные остались глубоко позади в дорожной пробке, из которой я так долго выбиралась. Желание вновь тратить время на дорогу, с еле текущим движением, не возникало.

Поставив машину, и зайдя в дверь квартиры, я вспомнила, что ничего для холодильника так и не купила, и уже давно было пора сделать генеральную уборку дома.

В душе пенящиеся струи ледяной воды взбудрили мое тело до неконтролируемой дрожи. Выйдя из ванной, я по привычке, словно в таинственном ритуале подошла к шифоньеру в спальне и достала оттуда его клетчатую синюю рубашку и в который раз одела на себя вместо халата. Всегда теплая и с еле уловимым ароматом его тела, она успокаивала меня, как только я укутывалась в это нежное воспоминание о нем. Когда-то перед самой разлукой эта рубашка была заброшена в корзину для белья, и так и не была мною постирана потому, что я еще не желала прощаться с тем, кто давно уже был не моим. Возможно, что от кажущегося аромата давно уже ничего и не осталось, как и не осталось ничего и от наших отношений с ним, но всякий раз накидывая на себя эту рубашку, я вновь и вновь как будто ощущала прикосновения к своим плечам его теплых рук. Эти печальные мысли с непреклонной настойчивостью всегда проникали в меня, лишь только стоило прикоснуться глазами к клетчатому покрывалу, но я почти каждый вечер продолжала свое безумное переодевание в прошлое.

Что бы хоть как-то отогнать от себя грустные мысли, я села за компьютер.

Надо порыться в интернете. Посмотреть почту. Все равно после таких водных процедур сразу и не уснуть.

Морально устаревший домашний компьютер, как всегда долго грузился и перезагружался, и мысли о нем сразу заполнили эту возникшую пустоту. Пройдя на кухню и заварив чай, я попыталась прогнать эту вновь надвигающуюся как грозовая туча, печаль. Но внутри меня какое-то пространство, заполненное им, начинало снова и снова оживать.

Что же тревожило меня? Может все-таки это дремлющие во мне мысли о том, что пока я дышала каждую минуту его образом, он раскладывал в наших отношениях кирпичики под свои изгибы, так как было ему удобно и комфортно, с возможностью в любой момент уйти даже и из этого состояния. А может мое предательство, так искусно упрятанное мною за сотнями оправданий? Но обычно эти мысли недолго задерживались во мне потому, что с ними неудобно жить, и потому, что всегда находились причины, по которым я всегда готова была простить и ему, и себе. Лучше уж не думать об этом и оставить мысли о нем там, где оставила и его – в прошлом.

Наконец-то компьютер загрузился и, отпив глоток бодрящего чая, я начала блуждать пальцами по клавиатуре.

На почте как всегда было угрюмо от навязчивых комплиментов и предложений познакомиться. Неужели и здесь позволю себе решиться с кем-то познакомиться? А почему бы и нет?! Есть ведь и среди этих воздыхателей приличные ребята. Только как сразу понять – кто есть кто? Какая я все-таки отчаянная! – подумала я. Идеальный образ мужчины, когда-то сформировавшийся в голове веселой и беззаботной девчонки, всегда был в конфликте с реальной жизнью уже вполне взрослой девушки. И этот образ только создавал очередное разочарование, усиливающее ощущение обманчивости грез и тревоги за будущее.

Все время одна, и вокруг только подогревающая отчаяние назойливая настойчивость близких, родственников – «пора замуж», «пора обзаводиться семьей», «пора рожать», «пора», «пора», «пора» ... Для кого пора?! Почему надо?! Кому и что я должна больше чем самой себе?! Это моя жизнь! Я совершенно спокойно могу жить и одна. Ничего страшного и неприемлемого в том нет, если я просто для себя рожу ребенка. Только – «Как это будет выглядеть? Что скажут люди?! Тебе пора поумнеть!» – Послышались откуда-то отголоски чьих-то возмущений. Но разве мнения людей делают нас счастливыми?

Бесконечная череда каких-то обусловленных необходимостей всегда находилась в противоречии с моим настойчивым желанием найти для себя того единственного и достойного моего ожидания мужчину, в котором я могла бы раствориться без остатка.

Внутри начал подкатывать к горлу комок горечи и отчаяния. Но кроме угрюмого рычания ничего наружу не выплеснулось.

Ворох разноцветной ватаги электронных кавалеров заполнил раздел знакомств на моей странице. «Спасибо за огромный мир с сюрпризами!» – с горькой иронией подумала я. Может и не удалять их? Пусть своим вниманием глаза порадуют еще какое-то время. Потерпят. Ну а после кастинг проведу, – подумала я, и стало немного веселее от этих мыслей.

«Наверное, уже совсем скоро придет то время, когда я совсем перестану понимать, кто передо мной, и начну вешаться на мужей своих подруг, на сослуживцев, на всех, кто окажется хоть мало-мальски приличен для моих неприличных связей», – с горечью подумала я, щелкая по клавиатуре компьютера, ища возможность зацепиться своим вниманием за что-нибудь интересное.

Отчеты об активных действиях друзей, дарящих друг другу подарки, обменивающиеся мнениями и вступающие в различные никчемные группы, мгновенно возвратили мое раздражение. Бездельники!

Из нескольких сообщений, адресованных мне с текстами, указывающими лучше любого резюме об интеллектуальных способностях человека, было одно, на котором остановилось внимание.

– «Я желаю вам Счастья и Любви!» – гласило это несколько удивительное своей прямотой послание от совершенно незнакомого человека.

Кликнув по фотографии своего гостя, от которого пришло сообщение, я оказалась на его домашней странице. С фотографии на меня смотрело улыбающееся, несколько бледное лицо. Что-то приятное и трогательное исходило от его взгляда, несмотря на какую-то скрытую печаль в глазах.

«Мир прекрасен!» – гласил его статус.

«Ни чего себе» – подумала я. «Чувственный мужик... Еще и доступ к себе ни от кого не заблокировал. Блаженный какой-то».

Неожиданно динамики компьютера мякнули, и на страничке высветилась информация о получении сообщения.

«Тьфу ты, забыла невидимку включить, перед тем как полезть в чужой огород. Теперь придется отвечать на разные дурацкие вопросы потому, что умные вопросы у таких полуночных болтунов вряд ли найдутся», – подумала я с некоторой долей злости на саму себя.

– Привет. Как ваши дела? – принесся откуда-то, даже неведомо из какой дыры, вопрос.

Так и знала, что будет банальная, ничего не значившая переписка, убивающая только время и интеллект. Ладно, подумала я, немного попереписываемся, а там, если что может отключиться электричество или интернет. Благородных причин для прекращения диалога можно было всегда в избытке найти.

– Привет. Все «Ок»! Как сам?

– Прекрасно!

– Можно поинтересоваться, чем я тебя заинтриговала? Понравилась?

– Если честно, не совсем. Вы на фотографиях как-то грустно смотрите на мир.

Меня это однозначно уязвило. Не хотелось уходить ко сну с таким реверансом от совсем незнакомого собеседника, и я написала.

– Зачем тогда уделять свое драгоценное время человеку, которому отчего-то грустно?

– Почему бы и нет. Это не сложно. Меня, если честно, заинтересовал ваш статус в сплошных вопросительных знаках, и почему вместо вашего имени стоят одни прочерки? Люди, которые пишут с маленькой буквы свое имя и фамилию обычно чем-то огорчены в жизни. Что касается вашего статуса, даже и не знаю, что сказать. Возможно у вас какая-то свежая и тяжелая рана на душе.

Стало несколько неловко потому, что это было не самое лучшее начало для очередного интернет знакомства. И мой печальный и изобилующий вопросительными знаками статус угрюмо свидетельствовал на весь мир о моем явном отношении к нему.

– Ты случайно не какой-нибудь психолог гештальттерапии? Может ты кришнаит?

Чтобы несколько смягчить свой вызывающий вопрос, я добавила еще несколько веселых смайликов и отправила сообщение своему гостю.

– Нет. Я не психолог, ни какое-либо «пси» и не кришнаит. Вам, наверное, тяжело быть искренней с самой собой?

В ответ я хотела быстро ляпнуть по клавиатуре что-то о своем окружении, но, немного раздумав, встала и пошла на кухню заварить чай. Возвратившись с кружкой крепко заваренного напитка, я увидела на почте еще одно сообщение от полуночного собеседника.

– Вам, наверное, действительно плохо раз уж вы до сих пор не отключили компьютер и не пишете ответ.

– Нет. Я просто чай наливала. А с миром, если честно, у меня действительно не все гладко. Как-то в ритм не попаду, чтобы с ним в ногу идти.

– Можно спросить почему?

Я посмотрела на часы. Уже было довольно поздно и мне опять угрожало не выспаться в эту ночь. Зато всегда оставался вариант в любую минуту сломаться модему или загореться электропроводке. Немного поразмыслив, я написала.

– Нам достаточно маленького повода, чтобы любить свою домашнюю кошечку и всегда найдется десяток причин, чтобы ненавидеть своих соседей. Так уж он устроен этот мир!

– Согласен. Когда мы наедине только со своими животными, мы всегда ощущаем себя одинокими потому, что по-настоящему, мы даже и их не понимаем. Все кажется несправедливым и поэтому нам тяжело полноценно ощущать жизнь. И от этого мы никого не можем по-настоящему любить и искренне сочувствовать.

Понимая, что длинная тирада для абсолютно незнакомого человека похожа на заученную проповедь, я насторожилась от ощущения, что меня сейчас просто разводят.

Поставив на стол кружку с чаем, я стала внимательно рассматривать его личные фотографии. Их было немного, но на одном снимке я обнаружила странную группу коротко остриженных людей.

– Сочувствовать!?! Кому, зачем и за что? – спросила я после того как посмотрела его последнее личное фото, надеясь, что следующим ответом все более-менее прояснится о том, кто он такой.

– А почему вы не спрашиваете, кого любить? Для вас это не вопрос?

– Для меня это не вопрос! – с некоторой бравадой ответила я и немного постеснялась этого. Только через пару минут мне ответили.

– Теперь я почти уверен, что вы по-настоящему одиноки и не потому, что вас бросили, а потому что ваша душа мечется среди людей и общается только со своим одиночеством.

Закусив губу, я с некоторой злостью быстро написала.

– Да что ты все заладил про мое одиночество? Хочу напомнить, что это ты ко мне в гости зашел, а не я к тебе среди ночи напросилась.

И добавила: «Я поняла, ты из общества спасителей мира или еще какой-либо сектантской белиберды, и ты сейчас уже начал меня посвящать в свою поднебесную науку. Все слишком пафосно и блаженно звучит. Уверена, у тебя сейчас на столе лежит какая-нибудь в сотый раз перефразированная библия».

– У меня сейчас на столе лежит томик Жюль Верна, и я очень хочу путешествовать.

– Тогда зачем тебе понадобилась я с таким вот двусмысленным отношением к жизни, которое не вписывается в твое желание отправиться в путешествие? Жизнь прекрасна, когда тебя никто не учит жить. Жизнь великолепна, когда никто не лезет со своими молитвами к тебе в сердце и не вылезает оттуда с твоей душой.

Как будто всласть выругавшись на всю комнату, я зло ударила по кнопке «Enter».

Ответа не было некоторое время. Затем тонко мяукнув динамиками, компьютер высветил на мониторе сообщение.

– Поверьте, жизнь становится еще прекрасней, когда у тебя четвертая группа рака... Я это пишу, не требуя жалости к себе. Просто мы живем в разных реальностях, и я забыл об этом. Мне кажется, я вас обидел. Извините.

Растерявшись от прочитанного, я посмотрела на его фотографию. Немая печаль в его карих глазах становилась понятной. Еще более понятным становился просачивающийся через эту печаль, мудрый и трогательный взгляд.

Несколько минут я блуждала взглядом по его страницам, по новому рассматривая фотографии, изучая странное название действующей на его браузере группы «Сострадание», в которой объединились в своем горе такие же безнадежно больные люди, как мой ночной гость, чтобы поддерживать себя общением. Как-то было не по себе от того, что на всех фотографиях, изможденные болезнями лица светились улыбками. Еще более странным казались статусы этих людей, которые дышали каким-то невообразимым позитивом и энергетикой. Странные и незнакомые медицинские термины охладили кровь и окончательно выветрили из головы желание спать.

Я рассматривала страницы группы, онемевшая и притихшая от их трагедий, но не отчаяния, от мужества исходивших от этих людей и умения через боль, улыбаясь смерти, быть милосердными друг к другу.

Прошло, наверное, минут пятнадцать, пока ошеломленная и потерянная от неожиданного оборота, я решила написать снова.

– Простите меня. Я не догадывалась ни о чем. Мне показалось, что вы действительно из какой-то секты.

Я ждала, когда мне ответят, тупо уставившись в мерцающий монитор и думая, как печально, наверное, ночью оставаться наедине с мыслями о своей скорой смерти.

От очередного мяуканья динамиков я вздрогнула.

– Не надо извиняться. Я вас понимаю, почему вы так отреагировали. Наверное, каждого человека мои вопросы удивили бы.

– Вы сильный человек, если, несмотря на свои проблемы, пытаетесь образумить такую дуру как я, и этому я точно удивляюсь. Почему вас так мало в группе?

– Мы просто организовались недавно. К тому же здесь существует элемент технологического отбора, поскольку не у всех есть возможность иметь компьютеры и оплачивать за услуги интернета, а старые люди просто не умеют ими пользоваться.

– Я так понимаю, что среди вас только те, кто безнадежно болен? Ваше объединение, это какая-то альтернатива Хосписам?

– Возможно. Хосписы по своему определению – это не лечебные учреждения. В хосписах людям облегчают страдания, обезболивают, ухаживают за ними, дают возможность их род-

ственникам отдохнуть. А самое главное здесь с этими обреченными людьми общаются, избавляя их хоть частично от моральных мучений и изолированности от общества.

Читая присланные мне строки, я проникалась во все происходящее с осторожностью, за которой, видимо, притаилась какая-то очередная фобия. «Сострадание» и «милосердие» – эти слова настолько редко присутствовали в моем лексиконе, насколько редко я, возможно, проявляла их в своей жизни. Вспомнились только два уличных котенка, которых я как-то раз приютила у своих знакомых. Но имело ли это отношение к милосердию, или это была лишь обычная жалость при виде милых пушистых мордашек.

– «Вся наша жизнь – это дорога к смерти», – моя философия показалась мне сейчас абсолютно неуместной. И я опять постеснялась своей клавиатурной реплики.

– Скажи, как я могу стать другом такому человеку как ты? – попыталась я загладить несколько корявую своей неуместностью цитату.

– С таким отношением к жизни у вас вряд ли что получится. В общении мы ищем успокоение, а не элемент воспитания. К нам жизнь и так повернулась не тем местом, чтобы еще общаться с человеком, у которого одни вопросительные знаки в статусе.

Мне опять стало неудобно за свое электронное «резюме», и руки зачесались, чтобы быстрее навести там порядок, но тут же пришло еще одно сообщение.

– Я не думаю, что это хорошая идея для Вас. Мы разделены пропастью друг от друга. Вам тяжело будет до конца понять человека, чья заветная мечта заключается лишь в том, чтобы прожить завтрашний день без боли или вообще не проснуться. Вы можете представить, как это – просыпаться и сразу осознавать, что этот день принесет с собой только безысходные страдания... и так изо дня в день?

Немного подумав, я ответила:

– Мне кажется, что каждый человек получает от жизни то, чего он заслуживает. Каждый человек несет свой крест. Это одинаково правильно как по отношению к религии, так и по отношению к здоровью. Кто курит, тот однозначно подавляет свои легкие, кто много пьет – тот, когда-нибудь получит сдачи от своего желудка или от печени. А может они сразу оба нападут на него – и это будет справедливо.

– А Вы когда-нибудь видели умирающих от болезней детей? Маленькие птенцы, только что сорвавшиеся со своих гнезд, так и не научившись летать. Они в чем виноваты? Я знаю много порядочных людей, которые не заслуживают смертельных болезней даже, несмотря на то, что курят или пьют. Смерть неизбежна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.